

ЗУЛЬФИЯ
ДОБРОГО УТРА,
ЛЮДИ МИРА!

СТИХИ

*Авторизованный
перевод с узбекского*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА • 1952

Доброго утра, люди Мира!

На белом листе бумаги — алая тень зари,
Потухли заката флаги, ночные зажглись фонари.
Открыто окно — и прохлада коснулась горячих
рук...

Я слушаю шорох сада, на улице каждый звук.
Соседи сейчас отдыхают, засыпает сейчас детвора,
А для меня наступает любимой работы пора.
На свет моей маленькой лампы, в рабочей мой
уголок

Приходят родные мне люди со всех городов
и дорог.

Строители, хлопкоробы, работники рек и гор
Со мной продолжают долгий искренний разговор.
И каждый может по праву увидеть в моих стихах
Свою трудовую славу, творческий свой размах.
Они мне вручили слово, за них я сейчас говорю.
Как пограничник в дозоре, я охраняю зарю.

* * *

Я слышу за океаном хищников злобный вой,
Я вижу их черные тени за новой моей зарей.
Грозит посягнуть их стая на мирную эту ночь,
И голосом всей отчизны я говорю им: — Прочь!

Вам, зачинщики бойни, знайте, не запугать
Вашей атомной бомбой нашу родину-мать.
Вас, поджигателей, люди сбросят с планеты прочь!
Я говорю вам это, простого узбека дочь,
Я, что июльской ночью бодрствую в тишине
И охраняю землю, давшую счастье мне.

Кремлевские звезды прямо в окошко мое глядят.
Полон благоуханий тихий ташкентский сад.
Прямо у этого сада — новых плотин огни,
Ветер с вершин коммунизма, побед и дерзаний дни.

Я лампу гашу — не надо, мне без нее светло!
Радуя сердце поэта, солнце уже взошло.
Лучи его освещают рукопись на столе...
Доброго утра, люди Мира на всей земле!

Здесь будет дорога

Они идут пустыней впятером,
Длинна дорога, и тяжел их путь.
Песок на их губах, песок кругом.
Жара кругом. Ни сесть, ни отдохнуть.

Пять человек идут, и никому
Не видно ни жилища, ни следа,
Лишь где-то вдалеке блестит Аму,
То, может быть, мираж, а не вода.

Был труден путь их. Был их путь далек.
Вздымался к небесам песчаный шквал,
И люди молча падали в песок,
И с головой песок их засыпал.

Пред ними было восемь дней пути,
И ветер злился и песком шуршал:
«В мои владенья кто посмел прийти?
Кто разрешил им, кто им право дал?»

И люди отвечали:
— Эй, пусти!
Пусти, пустыня, нас и не пугай!

Да, мы осмелились сюда прийти,
Чтоб оживить бесплодный этот край.

Что говорить, пустыня, ты сильна,
Но мы тебя сильнее: мы — народ!
Мы знаем, будешь ты удивлена,
Когда здесь первый паровоз пройдет.

В пустыне снова тишина и зной,
И людям снова по жаре идти.
За ними вехи линией прямой
Рисуют трассу нового пути.

Здесь ничего покуда не растет,
Покуда только солнце землю жжет.
Пока кругом ни тени, ни воды.
Но через год пустыня зацветет —
Отсюда только в трех часах езды
Прекрасный город будет через год.

Нет, не напрасно по пескам одни
Шли эти люди, обжигая грудь.
По вехам, что поставили они,
Строители проложат новый путь.

И скоро в этом выжженном краю
Прорежет воздух поездной гудок.
И здесь пройдет одна из тех дорог,
Что в коммунизм ведут страну мою.

Моей подруге

Сегодня на рассвете птицы пели,
Благоухали вешние цветы.
И на меня глаза твои смотрели —
Передо мной как бы явилась ты.

Заря блеснула на сердечках почек,
Поднявшись над расцветшею землей.
Далекий путь зари из мрака ночи
Мне почему-то путь напомнил твой.

Совсем безлунной и совсем беззвездной
Была та ночь, откуда ты пришла.
В те времена всходило солнце поздно
И не давало света и тепла.

Но солнца свет проник в твою лачугу,
Придя из-за далеких гор и рек.
Великий вождь тебе сказал, как другу:
«Ты человек — живи, как человек!»

И ты впервые ощутила лето,
Свод неба ощутила голубой.
Глаза твои, отвыкшие от света,
Вдруг увидали мир перед собой.

И это было юности началом,
Началом жизни и путей больших.
В те дни заря впервые засверкала
Румянцем ярким на щеках твоих.

И ты вдохнула ветры полевые,
Ты в мир вошла, прекрасный и большой.
Он тоже увидел тебя впервые
Такой свободной, сильной, молодой.

О женщина, твоя дорога к свету
Была длиннее Млечного пути,
И много горя на дороге этой
Тебе, мой друг, пришлось перенести.

Твоею красотой торговали,
Тюрьмою были отчие края.
Во мраке старой жизни погибали
Любовь твоя и молодость твоя.

Ты не жила, ты мучилась веками.
Но вот распалась над тобою мгла,
И сильными свободными руками
Ты горячо всю землю обняла.

Ты сеешь хлеб. Ты всходишь на высоты.
Ты у станка стоишь в цехах больших.
Ты смотришь ввысь и видишь самолеты,
И в небесах сама ты водишь их.

В науке и труде ты неустанна,
Ты говоришь о жизни, о мирах.
Ты все законы библий и коранов
Наукой жизни обращаешь в прах.

Твоя судьба безбрежна, словно море;
Чисты твои стремленья и дела.
И пусть в пути с тобой встречалось горе —
Пряма твоя дорога и светла.

Война тебя не смяла, не сломила.
Когда она пришла в огне, в дыму,
Ты мужа в путь-дорогу проводила,
«Вернись с победою!» — сказав ему.

Пусть волосы твои украсил иней
Немного раньше срока. Что с того!
Ты молода, и в сердце не остынет
Огонь большого чувства твоего.

Я вижу, как полями и садами,
Где зацветают вишни и хурма,
Идешь ты, озаренная лучами,
Идешь ты, излучая свет сама.

И этот свет, как свет звезды далекой,
Летит за рубежи соседних стран,
И угнетенной женщине Востока
Он светит, проникая под чачван.

И свет доходит к ней сквозь мрак
проклятый,
Неся частицу твоего тепла.
И ждет она его, как ты когда-то
Во мраке ночи этот свет ждала.

*Ответ узбечки Саодат
американской госпоже*

Адресуетесь вы ко мне
И в изысканнейшей манере
Рассуждаете о... войне,
О своей и моей карьере.

У меня с вами общего нет,
Говорить бы я с вами не стала,
Но пусть слышит весь мир ответ
Из Советского Узбекистана.

Вы геолог. Отец достал
Вам за деньги диплом. К тому же
Вы имеете капитал,
Чернокожих рабов и мужа.

Но не будет у вас детей:
Дети старят, от них заботы.
А наука? Лишь для гостей —
Чтоб занять их, — не для работы.

На геологов спроса нет, —
Ну и что ж? Были б деньги в банке!

...Вот и весь ваш авторитет,
Узколобой американки.

В клетке виллы заключены,
Сквозь ограды узор чугунный
Вы глядите со стороны
На простор страны моей юной.

Так понять ли вам мой ответ,
Прямоту его и волненье!..
Да, геолог я, много лет
Изучаю земли строенье,

Той земли, на которой мы
И не слышали слово «рабство»!
Лишь от вас, госпожа, из тьмы,
Это слово могло пробраться.

Нет рабов у меня. Их нет!
Понимаете, быть не может!
Смуглый цвет или белый цвет —
Цвет советский у нашей кожи.

Я — узбечка, я — доктор наук,
И не куплено это званье,
Дал отец мой — простой пастух! —
Дал народ мне образование.

Так богата моя казна,
Драгоценная, золотая,
Что лишилась Америка сна,
Бриллианты ее считая.

Так велик мой текущий счет —
Счесть его вам не хватит жизни.

Это — счет великих работ,
Счет строительства коммунизма!

Ваши платья оценит кто?
Круг бездушных дельцов, банкиров?
А моих одежд красотой
Восхищаются взоры мира.

Это — бархатный леса блеск,
Окаймляющий ширь пустыни,
Это — новых каналов всплеск,
Шелковистый, зелено-синий.

Золотое шитье хлебов,
Розоватых садов цветенье,
В белом кружеве облаков —
В белом хлопке! — полей кипенье.

Новым солнцем озарена,
В пене хлопкового прибоя, —
Вот какая она, страна,
Та, что стала моей судьбою!

— На геологов спроса нет, —
Вы скулите из подворотни.
А ташкентский университет
Выпускает их сотни, сотни!

И стране не хватает их,
И нельзя им сидеть без дела,
Дерзновенную сил молодых
И размаху их — нет предела.

Манят горы седые: «Открой
В наших недрах спящее солнце!»

Нефть гудит под земной корою
И сама к новым скважинам рвется.

За геологом следом идут
Стройки новые коммунизма.
Гордой жизни моей маршрут,
Это — будущее отчизны!

Эй вы, нищая госпожа
Над брильянтовым миллионом!
Ваше сердце изъела ржа,
Хоть оно в ларце золоченом.

Даже пахнувший молоком,
Ласки жаждущий рот младенца
Неприятен и незнаком
Вам, хранительница наследства.

Ядом золота и алчбы
Вы при жизни еще убиты.
Вижу в вас я слепок судьбы
Обреченного Уолл-стрита.

Победительницам

Победительницы, девушки мои,
Героические девушки, привет!
Вдохновительницы, девушки мои,
Счастлив вашею победою поэт.

Пусть простят герои-юноши мне вновь,
Что о вас мои стихи и в этот раз.
Что же делать, если вы — моя любовь,
Если песни сами пишутся для вас?

По следам моих стихов, пропетых вам,
Всю республику могу я обойти,
Всем колхозам, кишлакам и городам
Розы красные сегодня поднести.

Поздравляю, хлопкоробы-мастера,
Победительницы хлопковых полей:
К солнцу высится алмазная гора —
Хлопок солнечной республики моей!

Эту гору мы поднимем на руках,
И ее мы поднесем отчизне в дар.
Вот — сокровище, возвращенное в полях,
Крепость Мира, по его врагам удар.

Строки рапорта спокойны и просты,
В них взволнованно увидела я вдруг
Образ вашей благородной красоты,
Вдохновенье и проворство ваших рук.

Вы сумели степи трактором поднять,
В Мирзачуле вы прошли по целине,
Знали вы, что хлопок весь с полей собрать —
Это значит объявить войну войне.

Знали: делом нужно подтвердить слова,
Обещания, что дали вы весной, —
И поздравит вас великая Москва,
И про вас услышит Сталин наш родной.

Вы мечтали, что, узнав про славный труд,
Просияет он улыбкою отца.
От улыбки этой жизни расцветут,
Устремятся к новым подвигам сердца.

О красавицы республики моей,
Героини неустанного труда,
О любимицы отцов и матерей,
Пусть украсит золотая вас звезда!

...И сверкает хлопка белого гора
От земли и до небесной вышины.
Это — щит наш, хлопкоробы-мастера,
Охраняющий отчизну от войны.

Здесь родилась я..

Здесь родилась я. Вот он, домик наш,
Супэ¹ под яблонюю земляное,
На огороде низенький шалаш,
Куда я в детстве пряталась от зноя.

В садах зеленых — улочек клубок;
Гранат в цвету над пыльною дорогой,
И в свежей сени рощи родничок —
Осколок зеркалаца луны двурогой.

Заоблачные главы снежных гор,
Весенние, в тюльпанах алых, степи
И белых хлопковых полей простор —
Для глаз моих полны великолепя.

Затем, что здесь явилась я на свет,
Навстречу жизни здесь глаза открыла,
И здесь, не зная горя с детских лет,
Свободу я и счастье ощутила.

Затем, что здесь, ключей весны звончей,
Любовь во мне впервые зазвучала,

¹ Супэ — глинобитное возвышение во дворе или в саду.

Что здесь я, в тишине живых ночей,
Весенним водам тайну поверяла.

Когда в садах звенели соловьи
И расцветали пышные сунбули¹,
И с ними песни родились мои
И, оперившись, крыльями взмахнули.

И лучшие из песен, спетых мной,
Советской посвятила я отчизне.
Ведь счастье живо лишь в стране родной,
А без нее горька услада жизни.

Вот почему мне родина милей,
Дороже мне, чем свет дневной для глаза.
Любовь к ней говорит в крови моей,
Напевом отзываясь в струнах саза.

Когда ворвался враг в родной предел,
Творя смертоубийственное дело,
За каждый дом, который там горел,
Я жаждой мести, гневом пламенела.

Я верила, что светлый день придет —
Исчезнут эти тучи с небосвода,
И жизнь опять счастливо зацветет
Под солнцем правды, мира и свободы.

С надеждою в грядущее, вперед
Гляжу я зорче молодой орлицы.
И ярко предо мною предстает
В победном торжестве своем столица.

¹ С у н б у л ь — гиацинт.

И вижу Кремль, и вижу тот дворец,
Где наших мыслей дышит средоточье,
И он, наш полководец и отец,
Наш мудрый вождь, мне видится воочью.

И, верою незыблемой полна
В победу нашу, саз беру я в руки.
Тебе, о мать, тебе, моя страна,
Стихов, из сердца вырвавшихся, звуки!

Мать

На коне черногривом домой возвращается
Председатель колхоза, объехав поля.
В колыбели ребенок — как облачко белое —
Улыбается, пальчиками шевеля.

Вот с коня соскочила. И, полная нежности,
Наклоняется мать, как рассвет над цветком.
Что на свете чудеснее детского лепета
И дыхания, пахнущего молоком!

О, с каким нетерпеньем ее ожидали здесь,
О, как нежно ребенка она обняла!..
Материнская грудь пахла теплою мятою,
Словно летнее солнце горячей была.

А когда засыпает ребенок накормленный
Виновато ему улыбается мать,
И неслышно уходит из маленькой комнаты,
И как ветер уносится в поле опять.

В поле ждет ее хлопок, ждут люди любимые,
И вечерние сводки, и столько забот!..
Эта юная женщина с тихой улыбкою
Образцово большое хозяйство ведет.

Вот и ночь. Потемнели просторы зеленые,
Успокоенным выдался час тишины.
И хозяйка колхоза сидит, призадумавшись,
На скамье. И в глазах ее звезды видны.

А вокруг нее дышат кусты пышноцветные,
Отражаясь в бегущей по полю воде.
Длится ночь, и клинка рукоятью алмазною
Месяц в каждой блестит поливной борозде.

Каждый куст, каждый слабенький стебель
хлопчатника,
Как детей на груди, согревала она.
И чем больше труда и заботы в них вложено,
Тем счастливей народ, тем прекрасней страна.

Спит ребенок. Спит поле в сиянии месяца,
А душе материнской покой незнаком.
Понимает ли мать, что мечты ее, помыслы,
Ее думы впитает дитя с молоком?

Понимает! Поэтому с ласковой гордостью
Смотрит в детские очи, в просторы степей —
Видит этот колхоз повсеместно прославленным,
Видит сына хозяином новых полей.

Пьют прохладную влагу кусты полусонные,
Тихо дышит дитя, улыбаясь во сне...
Над задумчивой матерью звезды кремлевские,
Незакатные звезды горят в вышине.

Соловей

Плеск воды, блеск звезды, трепетанье ветвей,
Влажных роз молодое цветенье...
И поет соловей, друг цветов соловей,
Прославляя весны вдохновенье.
Над цветами уснувшими в лунную даль
Соловьиная льется газаль¹.

Ты постой, соловей. Ты не пой, соловей,
Дай свой голос попробую я...
Может быть, этой песне весенней моей
Улыбнутся сердечно друзья.
Я спою про счастливую долю мою,
Про любимую землю спою.

Ведь недаром шутиливо друзья соловьем
Называют счастливого поэта.
Может, это и так, коль поем мы вдвоем,
Коль поем с соловьем до рассвета.
И струится в цветущую ясную даль
Соловьиная наша газаль.

¹ Газаль — короткое стихотворение, род сонета.

Две подруги •

Розовеет синий край небес,
Всходит солнце на крутые горы.
Хлопка, вновь раскрывшегося, блеск
Затопил широкие просторы.
Раздвигая пышную листву,
По волнам зеленого прибоя
Девушки не ходят, а плывут,
Состязаются между собою.

Хороша красавица Гульшан,
Сдержанна она и молчалива,
А подруга, бойкая Айша,
Своевольна, как поток, шумлива
И порой остра на язычок...
Хоть подруги меж собой не схожи,
Так они дружны, что волосок
Между ними проскользнуть не может.

И прилежно трудятся они,
Хлопка розы белые собирая.
Поле все покрылось в эти дни
Белизной от края и до края.
А над ними — алый небосклон,
Пробужденья голос соловьиный,

И коробочек чуть слышный звон,
И далекий шелест тополиный.

Выпрямив высокий, стройный стан,
Засучивши рукава по локоть,
Говорит Айша: — Смотри, Гульшан,
Как сегодня в поле много хлопка.
В дни войны с зари и до зари
Хлопок собирали мы да дети.
А теперь вот в поле посмотри!
И джигиты за колхоз в ответе...

В отдаленье тополей листва,
Как узор тончайший, серебрится...
Хлопка вороха подняв едва,
Двинулись к хирману мастерицы.
А хирман все выше, все белей,
Словно снежная гора, сияет.
На вершине в пламени лучей
В час полудня солнце отдыхает.
Зазвучавши где-то за горой,
Песня огласила поднебесье,
И, от солнца заслонясь рукой,
Девушка заслушалась той песни.
На подругу глянула Айша:
— Как поет! Раздольно и высоко.
И в труде — широкая душа,
И на фронте смелым был, как сокол,
Наш Камиль.

— Нет... это Туляган, —
Торопливо молвила Гульшан.

— Эй, подружка! Что любовь скрываешь?
Стуком выдают ее сердца...

Как же это ты не отличаешь
Голоса известного певца?
То Камиль поет, тебя любя,
Разум отнимая у тебя.

— Растопчу любовь я вместе с пылью,
Если станет разум отнимать.
Я неровня гордому Камиллю,
Так зачем его мне замечать? —
И Гульшан движением привычным
Белый ворох подняла с земли,
И коснулся хлопок щек девичьих,
Что, как маки алые, цвели.

Но не хочет замолчать подруга:
— Что за вздор! Ему неровня ты?
Где найдет достойнее он друга,
В ком найдет он больше красоты?
Он — Герой Советского Союза,
Ты — герой колхозного труда.
Будет день, и у тебя на блузе
Золотая заблестит звезда!
— Ну зачем ты? А не любит если...
— Не имеет права не любить!
О таких, как ты, поются песни,
Девушки должны такими быть!
— Что ты, что ты...

— А вот то! В районе
Больше всех ты хлопка собрала.
Председатель сам по телефону
Про твои докладывал дела!
Может, потому Камиль гордится,
Что в труде догнать тебя стремится?

Тут Гульшан, лица уже не пряча,
Веселее вдоль рядка пошла:
— Ах, пришла бы к юноше удача,
Я вдвойне бы счастлива была...

За сердечным этим разговором,
За работой спорой минул день.
Сумерки окутывают горы,
Как джиды¹ причудливая тень.
Днем удачным табельщик доволен:
Полновесен хлопок, труд высок.
Девушки идут тропинкой с поля,
С гор летит навстречу ветерок.
Под луною в ручейке лучатся
Струи света сквозь просвет теней.
Девушкам луна желает счастья,
Доброй ночи и веселых дней.

¹ Джид а — дикорастущее фруктовое дерево.

Мартовским утром

Румяная, над снежными горами
Заря восходит, разгоняя тень.
Весенним утром с первыми лучами
Моя столица начинает день.

На тротуарах лужи просыхают,
Отсвечивая блеском золотым.
И спутница меня перегоняет,
Спешит она к ученикам своим.

Профессор, дочь узбекского народа,
Она открыла тайны древних гор,
Ее лицо в сиянии восхода,
И глубь земли ее пронзает взор.

Она годами горы изучала,
Вершины, перевалы их прошла.
И редкие сокровища металла
Она, досель сокрытые, нашла.

Она спешит, чтоб передать студентам
Секрет своих открытий и побед.
И ветер странствий солнечным Ташкентом
Летит по улице за нею вслед.

А горы белоснежные, сверкая,
Торжественный приветствуют восход.
У их подножья корпуса вздымая,
Металлургический гудит завод.

О, как она звучна и величава,
Победы песня над родной землей!
А в песне этой и твоя есть слава,
Моя подруга, друг чудесный мой!

Золотая осень

Как я люблю тебя, о золотая осень!
Рассветный холодок, росой омытый сад,
Деревья, что глядят в темнеющую просинь,
Их пламенеющий обветренный наряд.

Как я люблю, когда оранжевого цвета
На землю упадет листвы сплошной ковер
И девочки, набрав огромные букеты,
Глядят на их причудливый узор.

А горы все растут. То хлопковые горы,
Молочно-белые, в серебряной красе.
Пушинка улетит в янтарные просторы,
Повиснет невзначай на девичьей косе.

Как я люблю, когда, все небо заполняя,
Певучие дожди мешают мне читать,
И, словно ртуть, вода блистает ключевая,
И ласточки в гнездо влетают отдыхать.

Нет, не устану я глядеть на золотые,
На красные листы бессолнечной порой,
На черные стволы, округлые, тугие,
С блестящей от дождя намокшею корой.

Когда же вновь сверкнут лучи за облаками,
Нахлынет синева и радость вместе с ней,
А небо зашумит широкими крылами
Летящих солнцу вслед веселых голубей.

Как дышится легко... Ни зноя, ни пылинки,
На солнце сушит клен шелка одежд своих,
И капли круглые, дрожащие дождинки,
Переливаются на листьях золотых.

Как я люблю свои осенние долины,
Седые вечера и розы поутру,
Деревья, что стоят как пышные павлины,
Свой разноцветный блеск роняя на ветру.

Последних листьев шум. Небес открытых
просинь,
Нечаянный налет холодных ветерков...
Как я люблю тебя, о золотая осень, —
Задумчивости дни, мгновения стихов!

Песня

Прославляю тебя, воспеваю, —
Бесконечно ты мне дорога,
На равнине от края до края
В золоченых ларцах жемчуга.

Это хлопок блестит пред тобою,
Озаренный полдненным лучом,
Словно счастье твое золотое,
Словно радость во взоре твоём.

Ты коробочкам хлопка раскрыться
Помогаешь, свой труд полюбя.
Прославляю тебя, мастерица,
Воспеваю, сестрица, тебя.

Вдохновительница урожая,
Ты в поля уходила с зарей.
На работу тебя провожая,
Угасали звезда за звездой.

Мы гордимся тобой, героиня,
Бесконечно твой подвиг велик:
Где когда-то желтела пустыня,
Там теперь серебрится цветник.

Сирень

Сирень,
 сегодня в утреннем тумане
Я видела, как легкий ветерок
Своим прохладным шелковым дыханьем
Погладил каждый твой листок.

Ты шевельнулась, дрогнула листвою,
Бутоны превратились вдруг в цветы.
Так что же он сказал тебе такое,
Что расцвела, что засияла ты?

Я знаю, он пришел к тебе с приветом,
Который передал любимый друг.
Ты озарилась радостью и светом
Любви, не знавшей горя и разлук.

Ты замирала и качалась снова,
Ты долго ветерку смотрела вслед...
Когда же мне от друга дорогого
Счастливым ветер принесет привет?

Женщина в парандже

Женщин жизнерадостные лица,
Девушки, идущие гурьбой..
Как же я могла не огорчиться,
В этот полдень встретившись с тобой?

Стая птиц над городом резвилась,
Было много света и тепла
В час, когда, как тень, ты появилась,
По цветущим улицам прошла.

Я спрошу, и ты должна ответить,
Я хочу услышать твой ответ:
Где ты подняла обноски эти,
Берегла зачем их столько лет?

Почему же солнце золотое
Спрятано от взора твоего?
Или же лицо твое такое,
Что стыдишься показать его?

Нет, не хуже, чем у многих женщин,
Лик, что скрыт твоею паранджой,
Может быть, на нем загару меньше,
Но ведь ты сама тому виной.

Ты отгородилась от знакомых,
От весны, от света, от тепла.
То, что все уж бросили давно мы,
Почему с земли ты подняла?

Я прошу тебя остановиться,
Посмотреть внимательней вокруг:
Разве ты не видишь яснолицых
Женщин, девушек, твоих подруг?

Перед ними солнечные дали,
Хорошо идти им по земле,
Петь на молодежном фестивале,
Важные дела решать в Кремле.

Сеять зерна хлопка на равнине,
А потом тот хлопок собирать,
Покорять безводные пустыни,
Силу рек в сиянье превращать.

Посмотри на лица молодые, —
Что же ты проходишь?

Погоди.

Видишь ты, как звезды золотые
Светятся у многих на груди?

Ты ведь тоже можешь стать такою.
Что же ты идешь и смотришь вниз?
Почему меж счастьем и тобою
Этот черный занавес повис?

Сбрось с лица ты мрак многовековый,
На тебе не просто ведь чачван,

На тебе минувшего оковы,
Горестного прошлого туман.

Женщина, стой! Я жду ответа.
Подними чачван и погляди.
Видишь, сколько перед нами света!
Видишь, сколько счастья впереди!

Один день в поле

Ранняя осень пахнула дыханием тревоги,
Листья хлопчатника съежились, словно от боли,
Туча приблизилась, пыль поднялась на дороге...
В поле, друзья!
Дорогие товарищи, в поле!

Сборщики хлопка, хоть солнце еще за горами,
Двинулись в поле в холодной, предутренней рани.
Поле зелеными, влажными плещет волнами,
Стан полевой — словно парус в зеленом тумане.

Хлопок, уже не вмещаюсь в коробочек гнезда,
Белым своим рукавом машет нам издалека.
В поле, друзья!
Собирайте пушистые звезды,
Белые звезды бесценного нашего хлопка!..

Вон Турсоной, председатель, стоит у навеса,
Вон Мухаббат фартук свой волокном наполняет.
Дни на учете, минута — и та полновесна.
Каждая сборщица это сейчас понимает.

В хлопке созревшем — ее годовая работа,
Тайные думы, надежды ее и отрада,

Звон кетменя, и жемчужины летнего пота,
И всенародная радость высокой награды.

Вырастить хлопок она обещала весной,
Клятва вождю повседневно ее окрыляла.
Надо воды — и сама становилась волною,
Надо тепла — и сама словно солнце пылала.

Хлопку она отдала свое сердце. На осень
Свадьбу она отложила. И также — подруги.
Чем холоднее небес запоздалая просишь,
Тем горячее работают быстрые руки.

Золотом белым, мелькающим перед глазами,
Хлопком рассыпано в поле обильное счастье!
День упусти — и, быть может, дождями, снегами
Хлопок погубит осеннее злое ненастье.

Нет, не дадим и пушинки одной непогоде
И паутинки одной не оставим на поле!
Слава упорству, живущему в нашем народе,
Слава труду вдохновенному, творческой воле!..

Вон Махриба и Зухра, осторожно ступая,
Хлопок несут, словно роз белоснежных корзины,
Хлопок к хирману несут. И заря золотая
Им освещает тропу средь зеленой равнины.

А на хирмане, как будто на небе высоком,
Старый Али облака ворошит, расстиляет.
Сушит волокна росой увлажненного хлопка,
Девушек ласково с солнечным днем поздравляет.

День разгорается радостный, светлый, румяный.
Трудолюбивы могучие руки отчизны.
Вон по дорогам идут и идут караваны,
Золотом белым груженные, в сад коммунизма.

Невеста

Пейте, гости!

Ешьте, что угодно.
Разве мало плова и вина?
Свадьба в нашем кишлаке сегодня.
Ярким светом ночь ослеплена.

Полная луна с небесной выси
Смотрит на невесту, чуть дыша.
Как блестит на тюбетейке бисер,
Как невеста нынче хороша!

Девушка и смущена и рада,
С плеч спадают две косы тугих.
Смотрят гости, не отводят взгляда,
Смотрит зачарованный жених.

Песенка «Яр-яр» уже звучала,
Может, в третий иль четвертый раз.
Отражались в налитых пиалах
Сорок с лишним пар веселых глаз.

Поздно уж, но окна не закрыты,
Ярким светом залит новый дом,

Там сейчас походкой деловитой
Входят в круг невеста с женихом.

Шире круг!..

И молодые оба,
Окруженные со всех сторон,
Заплясали под напев рубоба,
Под хлопки гостей и бубна звон.

Девушка танцует и стыдится,
Опускает голову на грудь,
Не решается поднять ресницы,
Чтоб мгновенье это не спугнуть.

Не спугнешь его ты, дорогая,
Много счастья на твоём пути.
Пред тобой дорога золотая.
Хорошо по ней вдвоем идти!

Не смущайся, подними ресницы,
Счастьем быть еще немало дней.
Это только первые страницы
Книги жизни радостной твоей.

В вашей жизни будет много света,
Много счастья...

Пусть она всегда
Будет весела, как свадьба эта,
И, как пляска эта, молода!

Пришла весна, спрашивает о тебе

Хамиду Алимджану

Живым дождем омыв миндаль,
В рассветный час пришла весна.
Полетом птиц наполнив даль,
Тревожа нас, пришла весна.

О, как любил ты час ночной,
Когда готов зацвести урюк,
И аромат земли сырой,
И почек хлопающий звук.

За ворот зиму ухватив,
В рожок пастушеский трубя,
Твердя любимый твой мотив,
Весна пошла искать тебя.

И, чтоб скорей тебя найти,
Став ветром, ворвалась в сады
И обыскала по пути
Все, от пустыни до воды.

И так озлилась, не найдя,
На белый свет, на свой простор,

Что стала бурей, гудя,
И покатила камни с гор.

Она спросила пастухов,
Стада пасущих: — Где поэт? —
Но нет у горя добрых слов,
Они молчали ей в ответ.

Тогда, оборотясь лучом,
Весна вошла в мой темный дом,
Спросив у слез моих: — О чем? —
Склонилась над ребячьим сном

Моих детей, твоих детей
И, не найдя тебя опять,
Не видя более путей,
Мне сердце начала пытаться:

— Где тот, который ждал меня
На перекрестке всех дорог,
Тревоги от себя гоня,
Налюбоваться мной не мог?

Зачем покинул свежесть трав,
Тюльпаны и в цвету урюк?
Зачем, строки не дописав,
Перо он выронил из рук?

Где те прекрасные слова,
В которых я любила цвель,
В которых я была жива,
Еще прекраснее, чем есть?

Зачем ты в черном и в слезах?
Зачем молчишь ты мне в ответ
И снег не тает в волосах?
Где тот певец, где тот поэт?

Дай руку мне... — Молчат уста.
И молча я ее веду...
В тени безлистого куста
Могилы выросла в саду.

Тогда весна умчалась прочь,
Неся с собой мою печаль,
И над могилой в ту же ночь
Зацвел как облако миндаль.

И песню, спетую тобой,
Запел на ветке соловей.
И мир, разбуженный весной,
Шумел над памятью твоей.

В сосновом лесу

Тучи растаяли на небосклоне,
Тихо, светло, и дождя больше нет.
К солнцу протянуты сосен ладони,
В каплях — зеленый изменчивый свет.

Только что вымытый, полный сиянья,
Лес окружает меня красотой.
Хвои намокшей впиваю дыханье,
Тихо шагаю тропинкой лесной.

Из красноватого камня ступени
На гору с берега речки ведут.
Хрупкие, бледные, жители тени,
Здесь боязливо фиалки цветут.

Что мне дорога! Ступени оставив,
Я пробираюсь среди мшистых корней,
Лезу, цепляясь за камни, за травы
И за пушистые полы ветвей.

Сосны все чаще, а небо все ближе,
И, окунувшись в небес бирюзу,
Издали речку певучую слышу,
Бархатный шелест долины внизу.

Тихо под ветром качаются сосны.
О, этот моря соснового шум,
Травы пахучие, светлые росы,
Крылья орлиные трепетных дум!

Нет, не напрасно искали поэты
Песен истоки в Кавказских горах.
Утро!

Зеленой росинкою света
Ты и в моих засверкало стихах.

Снег

Как белых вишен лепестки,
Снежинки кружатся в саду.
Белы снежинки и легки,
Земля в снегу, ручьи во льду.
Но даже в этой белизне
Мои все думы о весне.

На крышах снег, на ветках снег,
И солнце с облачной горы
Глядит на новых санок бег,
На игры шумной детворы.
А щеки у ребят красны,
Как розы первые весны.

Под мягким снегом спит земля.
В тулупе белом хлопковод
Обходит снежные поля
И дням холодным счет ведет,
И видит в серебре воды
Весны незримые следы.

В груди земли живет весна,
В ручьях и в сновиденьях птиц,

Глядит из глаз твоих она
Сквозь снег, коснувшийся ресниц.
Снежинки кружатся, легки,
Как белых вишен лепестки.

Сталинабадские стихи

1

На крыльях ветерка, с приветами, с цветами
Узбекистанскими, к друзьям в Сталинабад
Лечу, лечу... И, наконец, я с вами,
Вершины гор, с тобою, город-сад.

Меня сама заря встречала у вагона,
На пиках снежных гор рубинами горя,
На город засмотрелась я влюбленно,
Он молод был и светел, как заря.

О город юности, отваги и дерзання,
Живой, как со скалы сбегающий поток!
На величавые твои люблюсь зданья,
На ровные лучи твоих дорог,

На желто-розовый прозрачный пламень сада,
Где ранней осени атласная пора...
Старик, укрывши корни винограда,
Мне рассказал, каким ты был вчера.

Разгладив бороду, белей снегов Памира,
Гордясь своим трудом и радуясь судьбе,

Садовник рассказал мне красочней шайра¹,
Как встал Сталинабад на месте Дюшамбе.

— Что было раньше здесь? Развалин древних
глина.

Безрадостная пыль, нещадный солнцепек,
На улочках верблюдов казался исполином,
Но осенью и он тонул в грязи дорог.

Что мы видали здесь? Нужду и скорбь видали,
Бред лихорадочный, трахому и цыngu,
Три деревца на площади торчали,
Но тень от них была всего с тангу².

Садовник поднял взгляд на город, озаренный
Сиянием земных, людьми зажженных звезд,
На тополей пирамидальных кроны,
Поднявшихся во весь могучий рост.

Своими добрыми и мудрыми руками
Лелеял и растил он этот город-сад,
И награждает щедрыми дарами
Садовника родной Сталинабад.

2

Песне-страннице на месте не сидится,
Все ей — путь, движенье, непокой.
Вот она качается, как птица,
Над седою вахшскою волной.

¹ Ш а и р — народный поэт.

² Т а н ь г а — монета.

Перед нею громоздятся скалы,
Скалы, скалы в синем блеске льдин.
А внизу тюльпаны, как пиалы,
На альпийском бархате долин.

Караван зеленый тополиный
По дороге к городу идет...
В горном сердце, в высоте орлиной,
Ручеек серебряный поет.

Песне той на легких крыльях мчатся,
Узнавать следы богатырей,
Созидателя-народа счастье
Здесь, в стране таджиков, перед ней.

Люди дерзко раскололи гору,
Надвое громаду рассекли.
И открылся радостному взору
Света путь во все края земли.

А в горах средь ледяных алмазов,
На Варзобе, в новом городке,
Девушка, смугла и черноглаза,
Держит силу света в кулачке.

С пульта глаз не сводит чаровница,
Мастерица золотых чудес.
Новый свет по проводам струится
К городу из этой горной ГЭС.

Вот и песня тихо опустилась
К маленькой горянке на плечо,
Отраженным светом засветилась,
Улетела, став сама лучом.

А в сияющей долине Вахша,
В той, что хлопка белого полна,
Мне припомнилась родная наша,
Хлопковая наша Фергана.

Хороша земля Таджикистана!
Мне б певцам завидовать ее,
Если б не краса Узбекистана —
Вдохновенье светлое мое!

3

Над заснеженным пиком Памира
Алоцветный вздымается флаг.
Этот флаг для трудящихся мира,
Для народов — свободы маяк.

И с надеждою братья с Востока,
Сквозь снега, в непроглядной ночи,
Видят, как над горами высоко
Блещут алого флага лучи.

О, прекрасная, полная света,
Созиданья и песен пора!
Собрались хлопкоробы, поэты,
Замечательных дел мастера.

Тут душою нельзя не согреться,
Доброта и внимательность тут,
И слова, что от самого сердца
Прямо к сердцу другому идут.

Тут узбекская песня — не гостя,
А любимая с детства сестра.

Как у нас — виноградные гроздья,
Но по-своему осень щедра.

Потому мы друг другом любимы,
Что под солнцем одним рождены,
Что скрепляем трудами своими
Книгу Дружбы Советской страны.

4

И в сумеречный час, когда осенней мглою
Окутаны верхушки тополей,
Я уезжаю, расстаюсь с тобою,
О город дружбы радостной моей.

И сердце полнит сладкое волненье
Внезапных расставаний, новых встреч.
Родной земли огромно притяженье,
И как любовь к ней в сердце не беречь!

Но, знаем, нет для песни расстоянья.
Коль зазвенит — услышите, друзья!
И в час, когда придут воспоминанья,
В Сталинабад отправлю песню я.

Сюзанэ

«Я полюбил тебя, взглянув в твои глаза,
И в мире с той поры светло мне только с ними.
Волну несет поток и молнию — гроза,
А я твержу твое коротенькое имя».

Ты это говорил. Вечерняя заря
Над сонною землей тюльпаны осыпала.
Дыханье затаив, от радости горя,
Я слушала тебя. И глаз не поднимала.

Обычай есть такой: джигита полюбив,
Цветное сюзанэ невеста вышивает.
И вот шелков цветных веселый перелив
В корзинке предо мной, как радуга, блистает.

И все цветы садов, цветы Чимганских гор —
И роза, и райхон, и астра золотая —
Приходят в дом ко мне, влетают в узор,
Охалки лепестков по шелку рассыпая.

Но только начала я это сюзанэ,
Иголки острое мне укололо руку,
Запахла дымом даль. В пороховом огне
Ворвались к нам враги. И принесли разлуку.

И взял оружие ты окрепшею рукой.
И за твоим конем я шла, полна тревоги.
— Подруга, жди меня! Вернусь, окончив бой,—
Донесся возглас твой с полуночной дороги.

На память о весне осталось сюзанэ.
Ладонью провела по шелковому свитку
И, губы закусив, в тревожной тишине
Во весь размах руки разматываю нитку.

И словно сквозь узор глядят глаза твои,
И на шелку стежки, как строчки на бумаге.
И это сюзанэ — письмо моей любви,
О верности оно, о славе и отваге.

Подруги помогать приходят иногда,
И, косы наклонив над яркими шелками,
Мечтаем вместе мы. А сквозь окно звезда
Внимательно следит за быстрыми руками.

Ты победишь врага. Вернешься. И вдвоем
Цветного сюзанэ мы развернем узоры.
Как солнце поутру, оно осветит дом,
И солнце никогда не спрячется за горы.

На память обо мне прими подарок, друг,
Он ярок, словно сад во время листопада, —
Замысловатое искусство женских рук, —
Забава — для тебя, а для меня — отрада.

Два стихотворения

Воспоминание

Любимая, ты помнишь праздник Мая,
Когда с тобой мы встретились в саду?
Над нами ночь склонилась голубая,
Шептались тихо тростники в пруду.

В струистых сонных водах отражаясь,
Качалась одинокая звезда.
Мы рядом шли, и мне тогда казалось,
Что вместе мы с тобою навсегда.

Была ты в белоснежном длинном платье,
В венке из ранних огнецветных роз.
В ту ночь тебя невестою стал звать я,
Весь свет души своей тебе принес.

Как струны, нам под ветром волны пели,
Звенели, ударяясь в парапет.
На ветках соловьи роняли трели,
И сердце откликалось им в ответ.

В траве луны серебряные слитки
Сверкали под горой у наших ног.

Мне не забыть прощанье у калитки...
Не знали мы тогда с тобой тревог.

Сейчас, любимая, я от тебя далеко.
Вокруг меня в дыму лежат снега.
Сил не щадя в сражениях жестоких,
Повергнуть в прах поклялся я врага.

Бесстрашно встал я на переднем крае
Своей отчизны, честь ее храня.
Пиши на фронт мне чаще, дорогая,
Не плачь напрасно, помни про меня.

Верность

Мой друг, твое письмо издалека
Доставила мне почта полевая.
В нем дышит лаской каждая строка,
Правдивая, сердечная, живая.

У нас весна... Лежат в цветущей долины.
Прозрачна даль, спокойна и ясна.
Над нашим садом стала голубиной
Твоих родных небес голубизна.

На берегу пруда, где были встречи наши,
Пылают розы заревом зарниц.
Роса звенит в их лепестковых чашах
От дружных криков перелетных птиц.

В саду с твоею маленькой сестренкой
Мы бережно растим твои цветы.

В ее чертах, задумчивых и тонких,
Легко, мой друг, узнать твои черты.

В аллеях, там, ко мне склоняя ветви,
Твоим дыханьем дышат тополя.
Твои слова мне повторяет ветер,
Твои следы там бережет земля.

Разлука долгодневная скрепила
Любовь и дружбу нашу навсегда.
Тебе верна попрежнему я, милый,
Твоим гвардейским мужеством горда.

Вниманьем и заботой неустанной
В селенье я своем окружена.
Везде и всюду ты со мной, желанный,
Моя душа всегда тобой полна.

Рассвет в полях с бригадою встречая,
Хочу я, чтоб, подхвачена молвой,
Моя сравнялась слава трудовая
С твоей могучей славой боевой.

Нам родина дала с тобою силу,
Вождем великим наш народ ведом.
Моей любви война не угасила,
Тебя я жду с победой в отчий дом.

Певец на фронте

Над чернобурой горною грядой
Безоблачные небеса сверкали,
Зарницею вечерней золотой
На горизонте скалы полыхали.
И шел Фархад. И медлил возле гор,
Оглядывая замерший простор.

О девушке, чей искрометный взор,
Мгновенный взор, он в зеркале видал,
О девушке, что много лет с тех пор
Он безутешно по земле искал,
О счастье пел страдающий Фархад
Средь опаленных золотом громад.

Звенели флейты, полные тоски, —
И закрывали розы лепестки,
Звучали сазы чистым серебром —
И затихал в ущельях дальних гром.
И пел Фархад — артист Кабуль Кари
В лучах узбекской розовой зари.
Волшебный голос плакал, как ручей,
И затихал струной во тьме ночей,
Любовью голос бархатный звучал,
И распускал свои косички тал.

И, ароматом пряным напоен,
Темнозеленый расцвел райхон.
И горы повторяли эту песнь,
И ветры поднимали эту песнь,

И соловей, забывши петь, летел
Вдогонку песне, что Фархад запел.

Когда ж, исхода не найдя, Фархад
На серый камень голову склонил,
То камень серый, сам себе не рад,
Вдруг пожалел, что не подушкой был.
Песчаный ветер сразу присмирел,
И воздух стать бальзамом захотел,
Стать одеялом захотела степь,
Пустыня — быть зеленою, как луг,
Ее колючки розами расцвеств
Неудержимо пожелали вдруг,
И закачался над седым холмом
Степной тюльпан, как пиала с вином.

И всех людей открытые сердца
Звучали новой песнею певца:
«Тобой одной, отчизна, я живу,
Всю жизнь отдам в залог моей любви
За твой простор, за неба синеву,
За стяги ало-красные твои.
А кто своей отчизне предан, тот,
Ей жизнь отдав, бессмертье обретет...»
Любимец наш, артист узбекский пел,
Ночной театр овацией гремел.

Над полем битвы сизый дым стоит,
На сером камне человек лежит.
Вот он шевелится, вздыхает он.
И голову приподнимает он.
Грохочут пушки. Никого кругом.
И только запад обагрён огнем.
И вспомнил он, что шел вослед врагу —
Враг отступал, сжигая все в пути, —
Что ранен был в атаке на бегу,
Но продолжал он за врагом ползти,
Но продолжал он по врагу стрелять...
Земля в крови. Обуглена трава.
По ней скользит он, порываясь встать,
Но нет, не в силах — никнет голова.
Какая боль... Но он не сдастся ей,
И нет предела ярости бойца.
Он будет жить для родины своей,
Он будет верен, верен до конца.
В глазах бойца — неудержимый гнев,
Он хочет жить, чтоб побеждать в бою.
Но смерть, на камень в отдаленье сев,
Простерла руку длинную свою.
И, глядя в пустоту ее глазниц,
Запел боец под вспышками зарниц:
«Тебе, отчизна, сердце отдаем.
На битву за родной народ пошли.
Сквозь дым войны, сквозь орудийный гром
Любовь и верность в сердце пронесли».
И камень пуст. И смерти нет на нем.
И только запад обагрён огнем.
А небо, словно зеркало вдали,
Безбрежно над просторами земли,

И смотрит в это зеркало Фархад,
Чтоб увидеть Ширин ответный взгляд.
В стекле волшебном перед ним плывут
Цветы, что там, на родине, цветут.
И белый дом, и глиняный дувал,
И мать над пестрой горкою пиал,
И взгляд прощальный старого отца —
Все в небе-зеркале над головой певца.
А вот площадка сцены, и по ней
Идет Фархад, идет среди камней.
Про это счастье нужно петь и петь,
И за него не страшно умереть.
В глазах певца — неудержимый гнев,
Он хочет жить, чтоб побеждать в бою,
Но снова смерть, на камень рядом сев,
Простерла руку жадную свою.

Он смотрит в зеркало. И в нем отражены
Неизгладимые видения войны.
Развалины. Кровавых рек разливы,
Осколки бомб на выжженной земле.
И женщина меж черных сучьев ивы,
Повешенная. Мертвая — в петле.
А в стороне, в развалинах, трепещет,
Зовет дитя замученную мать...
Кто из людей, в каком стекле зловещем
Мог всю эту картину увидеть?
Глядит Фархад. Кабуль Кари глядит,
И ненависть в его груди кипит.
А в зеркале перед его глазами
Поплыли красноточные полки.
Сверкают их победные клинки.
Идут бойцы полями, городами,
Освобождают землю от врагов,

И девушки степными васильками
Встречают долгожданных храбров...

И все пути, что он освободил,
Небесный свод перед певцом явил,
Фашистов всех, что он в бою убил,
Зеркальный свод перед бойцом явил.

Кабуль Кари врагов убитых счел
И тихий взор от зеркала отвел.
Отвел глаза и видит пред собой
Друзей, с которыми пошел на бой.
Он командира среди них узнал
И, приподнявшись, медленно сказал:
— Друзья мои! Я очень жить хочу,
Но здесь на камне, за спиною, смерть,
И перед тем, как снова замолчу,
Хочу я песню милую пропеть.
Я вам ее вполголоса спою,
А вы ее припомните в бою.
«Тебе, отчизна, сердце отдаем,
За счастье твое в поход пошли.
Сквозь дым войны, сквозь орудийный гром
Любовь к народу в сердце пронесли.
А кто своей отчизне предан, тот,
Жизнь ей отдав, бессмертье обретет».

И он затих. Дыханье затая,
Стояли неподвижные друзья.
А Днепр шумел свободною волной,
И повторял он звуки песни той.
Тихонько падал снег. И на лету
Снежинки повторяли песню ту,
И ветры уносили эту песнь,

Кусты подхватывали эту песнь,
И, под снегами шевелясь едва,
Ее шептала нараспев трава...
И будет повторять ее весна,
Когда опять на землю к нам придет.
И будет повторять ее страна,
Когда опять цветами зацветет.

* * *

На берегу задумчивой реки
Темнозеленая сосна шумит.
И только надпись поперек доски
О храбрце покойном говорит:
«Здесь погребен боец Кабуль Кари,
Отдавший жизнь за родину герой».
И солнце рассыпает янтари
Над этою могилою простой.
И звезды, проплывая небосклон,
К могиле наклоняются в пути,
Чтоб передать от родины поклон,
Привет земли узбекской принести.

УЗБЕКСКАЯ ПОЭТЕССА ЗУЛЬФИЯ

В 1932 году в узбекской поэзии зазвучал новый голос, примечательный еще и тем, что он принадлежал женщине.

В 1933 году в Ташкенте вышел в свет первый сборник стихов Зульфий, посвященный советской молодежи и названный «Страницы жизни». Автор был молод, но уже тогда обозначились наиболее характерные черты его творчества: горячая любовь к Стране Советов, к родному Узбекистану, к его людям, быту, природе. Написанные реалистически, тепло и просто, стихи Зульфий сразу привлекли к себе внимание узбекского читателя.

Зульфия Исраилова родилась в 1915 году в трудовой семье. В 1935 году, уже после выхода в свет ее первого сборника, Зульфия поступает в аспирантуру Института языка и литературы Узбекского филиала Академии наук СССР. «Страницы жизни» писательницы пополняются все новыми знаниями, почерпнутыми как из книг, так и из жизни.

В годы Великой Отечественной войны поэтесса пишет о советских людях, с оружием в руках защищающих свою отчизну, а также о тех, кто самоотверженным трудом в тылу ускоряет победу.

К двадцатипятилетию Узбекистана был издан сборник стихов Зульфий о родине, о великом вожде народов — Иосифе Виссарионовиче Сталине. Зульфия известна также как переводчица лирических стихов русских поэтов на узбекский язык. В настоящее время Зульфия является членом редакционной коллегии журнала «Женщина Узбекистана» и председателем секции поэзии ССП Узбекистана.

Данный сборник, выходящий на русском языке, заключает в себе стихи послевоенных лет, стихи, посвященные мирному труду и борьбе за мир. Об этом говорят и само название сборника: «Доброго утра, люди Мира!»

На его страничках перед нами проходит целая галерея женских портретов (излюбленная тема Зульфийи). Мы видим юных, счастливых девушек: им открыт, весь залитый солнцем, жизненный путь. Но мы видим и женщину, еще не свободную от мрачных пережитков прошлого: чачван скрывает от нее полноту жизни.

Разве ты не видишь яснолицых
Женщин, девушек, твоих подруг? —

обращается к ней Зульфийа. И продолжает:

Перед ними солнечные дали,
Хорошо идти им по земле,
Петь на молодежном фестивале,
Важные дела решать в Кремле.

Мыслью о Кремле, где живет и работает великий Сталин, лучший друг всех народов нашей страны, — этой мыслью согрет весь сборник Зульфийи. Он и начинается строками, обращенными к Сталину:

Любимый и родной товарищ Сталин,
Вы — солнце нашей радостной страны,
Вы — животворней солнца!
Вы нам дали
Жизнь ярче и прекраснее весны.

Сопоставив счастливую, содержательную, живую, богатую жизнь советской женщины с мертвенным «капиталом» зарубежной миллионерши, Зульфийа пишет гневный «Ответ узбечки Саодат американской госпоже»:

Так велик мой текущий счет —
Счесть его вам не хватит жизни.
Это — счет великих работ,
Счет строительства коммунизма! —

воскликает Зульфийа.

В стихотворении «Невеста» поэтесса с любовью рисует образ девушки, свадьбу которой празднует весь кишлак. Стихотворение кончается напутствием новобрачным:

В вашей жизни будет много света,
Много счастья...

Пусть она всегда
Будет весела, как свадьба эта,
И, как пляска эта, молода!

Но, увы, не всегда жизнь избавлена от горестей. Однако и в горчайший час скорби о безвременно ушедшем близком человеке советская женщина остается верна светлому началу. Она не дает скорби навсегда заполнить свое сердце. Об этом свидетельствует стихотворение «Пришла весна, спрашивает о тебе». Велика скорбь о погибшем, нетающий снег остался от нее в волосах. Но наступила весна —

И песню, спетую тобой,
Запел на ветке соловей.
И мир, разбуженный весной,
Шумел над памятью твоей.

Это сочетание женственного лиризма, душевной твердости и гражданского пафоса, свойственное всему творчеству Зульфийи, делает его близким каждому советскому читателю.

Вера Инбер

СОДЕРЖАНИЕ

Солнце человечества. <i>Перевод Светланы Сомовой</i>	3
Доброго утра, люди Мира! <i>Перевод Светланы Сомовой</i>	5
Здесь будет дорога. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	7
Моей подруге. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	9
Ответ узбечки Саодат американской госпоже. <i>Перевод Светланы Сомовой</i>	12
Победительницам. <i>Перевод Светланы Сомовой</i>	16
Здесь родилась я... <i>Перевод В. Державина</i>	18
Мать. <i>Перевод Светланы Сомовой</i>	21
Соловей. <i>Перевод Светланы Сомовой</i>	23
Две подруги. <i>Перевод Светланы Сомовой</i>	24
Мартовским утром. <i>Перевод Светланы Сомовой</i>	28
Золотая осень. <i>Перевод Светланы Сомовой</i>	30
Песня. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	32
Сирень. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	34
Женщина в парандже. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	35
Один день в поле. <i>Перевод Светланы Сомовой</i>	38
Невеста. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	41
Пришла весна, спрашивает о тебе. <i>Перевод М. Алигер</i>	43
В сосновом лесу. <i>Перевод Светланы Сомовой</i>	46
Снег. <i>Перевод Светланы Сомовой</i>	48

Сталинабадские стихи. Перевод Светланы Сомовой	50
Сюзанэ. Перевод Светланы Сомовой	55
Два стихотворения. Перевод Л. Кондырева	57
Певец на фронте. Перевод Светланы Сомовой	60
<i>Вера Инбер. Узбекская поэтесса Зульфия</i>	<i>66</i>

Редакторы

В. Инбер, В. Казин

Художник Н. Румянцев

Художеств. редактор

И. Царевич

Техн. редактор С. Симонов

Корректор В. Песковская

**А02557. Сдано в набор 23|X
1951 г. Подписано к печати**

6|XII 1951 г. Бум лист. 1,13

печ. лист. 3,08. Авт. лист. 1,99.

Уч.-изд. лист. 2,10. Формат бум.

70×108¹/₃₂. Заказ 2034.

Тираж 5000. Цена 1 р. 75 к.

Тип. Москва, ул. Ф.Энгельса,46.